

ГЛАВА IV. Необходимость дифференциации внутри рабочего класса

Каждый выходец из рабочего класса мечтает о повышении своего социального статуса, которое обеспечило бы ему лучшую, беззаботную жизнь. То есть переход в класс мелкой буржуазии – конечная цель для любого рабочего[434]. На непосвященных или поверхностных наблюдателей члены рабочих социалистических партий уже сейчас производят впечатление мелких буржуа. Рабочий класс не смог избежать влияния общественной среды, в которой он живет. Немецкие рабочие вместе с растущим доходом переняли и врожденную болезнь филистеров. Как только их доход это позволяет, они со всем пылом ударяются в страстную организацию сообществ и объединений. В крупных, а зачастую и в маленьких городах полно спортивных рабочих клубов, вокальных рабочих клубов, сообществ рабочих-курильщиков, кегельных клубов, рабочих регатных сообществ, объединений рабочих-атлетов – все возможные типы объединений, мелкобуржуазный характер которых совершенно не страдает от того, что они организованы под знаменем социал-демократии. Клуб любителей боулинга остается клубом любителей боулинга, даже если называется «Боулинг-клуб “Свобода”».

Разные слои рабочих, составляющих социал-демократическую партию, так же как и буржуазию со всеми ее внутренними различиями, нельзя рассматривать как большую, однородную, единую серую массу. Хотя это наблюдение не отменяет того факта, что пролетарии живут исключительно за счет продажи единственного товара, который им доступен, – собственного труда, а потому социал-демократические члены рабочей партии, по крайней мере в теории, объединяются в противостоянии владельцам средств производства и их государственным представителям. Среди рабочих масс имеет место острая потребность в дифференциации, которую легко не заметить, не будучи частью этого социального слоя. Род деятельности, уровень зарплаты, этнические и климатические различия-причины богатого разнообразия в их образе жизни и предпочтениях. Уже в 1860-е годы можно было сказать: «В рядах рабочих существует множество категорий и даже определенная внутриклассовая аристократическая стратификация. Наверху печатники, внизу – старьевщики и сборщики мусора»[435]. Между печатником и поденщиком в одной и той же стране такая же огромная культурная, социальная и экономическая разница, что и между печатником в одной стране и мелким предпринимателем в другой. Даже в профсоюзном движении ярко проявляется несоответствие между разными слоями рабочего класса. Мы наблюдаем, что политика союзов печатников во всех странах (Германии, Франции, Италии) сильно отличается от политики других рабочих союзов и

социалистических партий – они склонны к правым тенденциям, оппортунизму, но более сговорчивы. В Германии союз печатников возглавляет Рексхаузер, во Франции – Койфер. Далее мы видим, что гранильщики алмазов в Бельгии и Голландии склонны к тем же антисоциалистическим, антипролетарским и партикуляристским тенденциям. Аристократические представители рабочего класса, то есть те, кто получает больше и находится ближе к буржуазии, в том, что касается практики и тактики, предпочитают идти собственным путем. Внутри самого движения можно заметить это разделение рабочих масс на несколько социальных слоев. Право на отдых первого мая – одна из границ, разделяющих класс на две категории. «К первой относятся те, кто благодаря своему высокому положению или другим благоприятным обстоятельствам “может позволить себе праздновать Первомай”, ко второй – те, кто вынужден работать из-за тяжелой нужды или других неблагоприятных обстоятельств»[436].

Потребность в дифференциации особенно бросается в глаза, когда речь заходит о более значительных группах. Различие между квалифицированными и неквалифицированными рабочими изначально имеет исключительно экономическую природу. Оно проявляется в различных условиях труда. Но экономическое различие становится классовым. Хорошо обученные рабочие с хорошим окладом социально обособляются от необразованных и низкооплачиваемых рабочих. Последние зачастую состоят в профсоюзе или партии, а первые посвящают себя труду, при этом их отчаянная социал-экономическая борьба – одно из самых интересных явлений новейшей социальной истории. Эту борьбу физиолог Анджело Моссо назвал эргомахией, борьбой за место возле кормушки [437]. Члены партий и профсоюзов требуют от беспартийных строжайшей солидарности и лишают последних права на труд, если сами оказываются в состоянии острого конфликта с предпринимателями. Для тех рабочих, кто не выполняет эти требования профсоюзов, существуют оскорбительные прозвища, которые уже стали полноправной частью языка. В Германии это штрейкбрехеры, в Италии – *krumiri*, в Англии – *blacklegs*, в Америке – *skabs*, во Франции – *jaunes* или *bedouines*, в Голландии – *onderkruipers* и т. д. Нет смысла спорить с тем, что большинство упреков со стороны первой группы рабочих вполне справедливы. Но в то же время нельзя и отрицать, что эргомахия возникает не из природного несоответствия между «хорошими мальчиками» и опустившимися рабочими. Она заключена в непрерывной борьбе обеспеченных рабочих против самых бедных и страдающих слоев пролетариата, которые не достигли необходимой экономической зрелости, чтобы вести борьбу с предпринимателями за повышение заработной платы. Вместе с тем даже в случае общих тягот, как, например, это было в условиях кризиса безработицы, организованные рабочие не проявляют никакой солидарности со свободными, непартийными товарищами. Профсоюзные картели настаивают на том, что пособия по безработице, предоставленные им городскими правлениями, то есть из общественных открытых источников (так называемая страсбургская система), предназначены только их официальным членам, а свободные, беспартийные рабочие не заслуживают поддержки[438].

Более успешные рабочие поддаются естественной склонности и всеми доступными способами борются со своими менее обеспеченными товарищами, которые, получая более низкую заработную плату, угрожают высокому уровню жизни членов партии, при этом в борьбе они используют методы, игнорирующие любые этические принципы, что всегда происходит при конфликте экономических интересов. Но помимо этого они часто просто

изолируются от противника. Книжка учета медицинской помощи превращается в почетный диплом, который выделяет ее обладателя на фоне плебса. Во многих случаях это происходит, даже когда беспартийные рабочие не требуют ничего, кроме принятия в партийные ряды. Почти во всех англосаксонских профсоюзах есть склонность к корпоративизму, формированию рабочей аристократии[439]. Профсоюзы больше не занимаются пропагандой, не призывают вступать в их ряды, но, наоборот, окружают себя колючей проволокой недоступности и через повышение вступительных взносов или требование представить свидетельство о профессиональном образовании ограничивают собственное развитие ради сохранения привилегий в ущерб рабочему классу в целом. Из-за того же исключительного профессионального эгоизма возникает и ксенофобия, особенно свойственная американским и австралийским рабочим. Законодательным путем они пытаются ограничить въезд иностранных рабочих и удержать их подальше от границы[440]. Профсоюзы продвигают открытую патриотическую политическую линию и не чуждаются поддержки со стороны «классового государства», чтобы удержать на расстоянии неугодных. При этом они оказывают на власть определенное давление, которое часто граничит с объявлением войны тем странам, из которых рабочие прибывают[441]. Даже в Европе распространено формирование узких кругов и клик – тенденция к олигархии – даже при условии активного протеста со стороны доктринеров и практиков социализма, столь подверженных влиянию теории. Рабочие неапольского арсенала недавно выдвинули правительству требование: «...при смене кадров минимум треть существующих должностей должна быть сохранена за членами семей нынешних рабочих или предоставлена их сыновьям, принявшим решение продолжать дело своих отцов»[442]. При этом их нельзя упрекнуть в оторванности от жизни или отсталости, которая на первый взгляд угадывается в их требовании. Везде мы наблюдаем, как классовая борьба способствует не демократизации евгеники, а евгенизации [селекции] определенных групп социал-демократии[443].

Социальная реформистская политика, в своей чистейшей форме явленная в законодательстве об охране труда рабочих, идет на пользу не всем слоям рабочего класса. Тот же закон о повышении минимального возраста, допустимого для работы на фабрике, в разных видах или областях индустрии зависит от прочности профессиональных связей внутри профсоюза, уровня зарплат, положения дел на рынке труда и т. д. В зависимости от этих условий он либо подавляет рабочий класс, либо способствует его развитию[444]. Это зависит от национальных, региональных или технических различий в разных сегментах пролетарского движения.

Подводя итог, можно сказать, что уже сейчас наблюдается тенденция к проведению границ внутри пролетарского сообщества. В лоне четвертого сословия уже заявляет о себе пятое. Одна из существенных опасностей, которые угрожают социализму и от которой нельзя просто так отмахнуться, заключается в следующей гипотезе: со временем внутри рабочего класса может возникнуть множество социальных слоев благодаря последовательному увеличению общественных богатств в сочетании с энергичным стремлением рабочих улучшить свое классовое положение; следствием этого становится свойственная любому человеку ненасытность, которой подвержены и миллионеры. В результате пролетариат становится все более буржуазным и пресытившимся, до тех пор пока совсем не откажется от борьбы за установление нового социального порядка[445]. Таким образом, класс наемных рабочих разделяется на две неравные части, постоянно изменяющиеся.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:54:20

Зверобой обновил 19 января 2026 23:54:36